
К. Н. ЛЮБУТИН, П. Н. КОНДРАШОВ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ В КОНЦЕПЦИИ К. МАРКСА

Сегодня наконец-то в нашей стране завершился период тотального отрицания марксизма и происходит постепенное возвращение к подлинному Марксу, чему, несомненно, поспособствовали как его неолиберальные критики, в массе своей бывшие «верные ленинцы» суловско-брежневской школы, так и сами вульгарные марксисты. Одним из наиболее интересных и ценных следствий такого переосмысления Маркса является адекватное прочтение его *философии истории*, которая, на наш взгляд, основывается не на технологическом, производственном детерминизме, а на сугубо социально-философской проблеме становления человеческой сущности в историческом процессе¹. В этом смысле все учение Маркса представляет собой антропологическую интерпретацию социально-исторического процесса. В силу этого понимание философских, социологических, футурологических, политических и экономических идей Маркса невозможно без фундаментального уяснения его антропологии. В предлагаемых заметках мы попытаемся показать те антропологические основания, на которых Маркс построил свою периодизацию исторического развертывания.

В своем учении Маркс выделяет две фундаментальные периодизации исторического процесса, в которых каждая последующая ступень развития означает все большее и большее освобождение человеческой деятельности от внешнего принуждения, от необходимости.

¹ Ср.: Фромм, Э. Душа человека. – М., 1992. – С. 381; Баллаев, А. Б. Читая Маркса. – М., 2004. – С. 13–15. Известная «пяточка», в свое время догматизированная и не имеющая к Марксу никакого отношения, все же выполняла, на наш взгляд, положительную методическую роль, например, в процессе начального и среднего образования: она, по крайней мере, формировала действительное «чувство историчности» социального процесса, в отличие от современных учебников истории, которые большей частью представляют собой анти-исторически скомпилированные фрагменты из биографий и сугубо оценочных суждений.

Первая схема весьма напоминает схему, позже предложенную теоретиками постиндустриального общества. Маркс описывает ее так: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена вещей, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный, строй (а также феодальный) приходит в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних»².

Речь идет о трех ступенях исторического развития (видимо, применительно прежде всего к Европе). Это, между прочим, напоминает гегелевскую схему человеческой истории: восточный мир (только один свободен), античный мир (многие свободны), германский мир (свободны все). В набросках ответа на письмо В. Засулич (1881 г.) Маркс пишет об архаической, или первичной, формации, основанной на общественной собственности; о вторичной формации, основанной на частном присвоении. Эта формация в предисловии к «Критике политической экономии» называется экономической (она охватывает азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства). Третья формация – формация будущего – «*постэкономическая*».

Только во вторичной формации экономические отношения, то есть отношения, связанные с производством вещей как товаров, играют решающую роль. Труд порождает потребительные ценности, становящиеся носителями меновой стоимости только потому, что они оказываются продуктами частных работ, субъекты которых вступают в контакт исключительно путем обмена.

² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 100–101.

Маркс полагал, что человечество придет к такому состоянию, когда расцвет производительных сил общественного труда совпадет с целостным развитием человека. Это формация будущего, которую по смыслу марксизма можно назвать «постэкономической», свободной от господства вещи над человеком, от эксплуатации, от работы в смысле отчужденной формы труда. В основе ее – творческая деятельность, производство информации и знаний. Иначе говоря, становление «постэкономической» формации и есть становление «информационного» общества. Сфера «производства человека» по сравнению с производством условий материальной жизни (материальное производство автоматизировано) чрезвычайно возрастает. Вот это и есть подлинное становление великой социальной революции, которую предвидел Маркс, развитие человечества, которое он назвал «коммунистическим».

Вторая модель Маркса – бинарная, в которой он делит все человеческое существование на *предысторию* (включающую в себя первичную и вторичную формации из предыдущей схемы, то есть традиционное и индустриальное общества) и собственно *историю* (включает «постэкономическую» формацию). Иногда Маркс и Энгельс говорят о «царстве необходимости» (предыстория) и «царстве свободы» (история).

Для периода предыстории характерно доминирование, даже почти тотальное господство такой формы деятельности, как *работа* (*die Arbeit*), в то время как подлинно человеческую деятельность именуют термином *самодетельность* (*die Selbstbetatigkeit*). В немецком языке, которым в основном пользовался Маркс, слова «труд» и «работа» передаются одним и тем же термином *die Arbeit*. Но более тщательный семантический анализ текстов показывает, что Маркс всегда различает, с одной стороны, «целесообразную деятельность» (*труд*), которая является первой жизненной необходимостью и которая не терпит никакого принуждения и рабства, с другой стороны – такую деятельность, которая характеризуется отчуждением ее результатов от своего производителя, а значит и отчуждением **от самого себя**, – такую форму деятельности мы обозначаем словом «*работа*».

«...Действительное содержание понятий “работа” и “труд” искажено и отождествлено. Это можно объяснить тем, что оба понятия указывают на процессы деятельности (на создание чего-либо

деятелем, созидателем, человеческим индивидом или особенной частью общества), которые в большинстве случаев одинаковы по форме, – это производство. Принципиальная разница состоит лишь в содержании, в качественном различии. Процесс работы как необходимый производственный акт по созданию необходимых продуктов (и не только) для удовлетворения биологических и социальных потребностей является принужденным (мучительным), однако посредством такого состояния человек может стать качественно иным, новым, действительным – трудящимся. Труд человека – это такой процесс, такая деятельность, при которой гармонично сочетаются физические и умственные способности человека. Такого рода процесс является осознанно созидательным деянием “человеков” вообще.

Заметим, что из-за лингвистического аспекта (проблем, связанных с неточным переводом и отсутствием в немецком языке соответствующих терминов), о котором говорилось выше, неточно толкуются постулаты Маркса по проблемам феномена труда...

Деятельность человека, которая для одних создает богатства, а других ведет к обнищанию, не может быть действительной деятельностью, то есть трудом. Такой процесс именуется работой. Такого рода человеческая деятельность противоречива и наносит ущерб непосредственно рабочим, которые лишены счастья быть людьми (человеком). Противоречивость же заключается в недействительности рабочего процесса как деятельного процесса вообще, так как непосредственные производители лишены своего результата (причина отчуждена – “отсвоена” – от следствия), что алогично, противоестественно. Именно такая противоестественность (отрицательные, но объективные противоречия) порождает весьма распространенную социальную болезнь – отчуждение человека от самого себя (то есть от предполагаемой сущности человека), что, в свою очередь, является крайней формой его социального перерождения³.

То есть в предыстории господствует деятельность, направленная на производство продуктов первой необходимости, производством которых занимается большая часть населения. И производство это осуществляется в форме вынужденной и принудительной

³ Парцвания, В. В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб., 2003. – Гл. III, § 3.2.

(репрессивной) деятельности – *работы*, – которая направлена только лишь на удовлетворение сугубо животных потребностей, работы, в которой люди действуют только ради куска хлеба, работы, в которой теряется всякая человечность и которая превращает своих агентов в обычный рабочий скот. основополагающей характеристикой такого труда является *отчуждение*.

Для будущей же эпохи *истории*, напротив, будет характерно доминирование свободной деятельности, осуществление подлинно человеческой природы, то есть в постэкономической формации будет иметь место неотчужденная форма деятельности.

При этом Маркс особо выделяет атрибутивные характеристики неотчужденной формы деятельности⁴: во-первых, труд является свободным проявлением жизни и поэтому наслаждением жизнью; во-вторых, в труде должна утверждаться индивидуальная жизнь, а следовательно собственное своеобразие индивидуальности; в-третьих, труд не отделен от собственности, более того, он предстает в качестве истинной, деятельной собственности.

Таким образом, для Маркса основой периодизации исторического процесса и выделения в его структуре различных этапов является не производительность, хозяйственный уклад или какие-то количественные показатели вроде объема производимой продукции на душу населения, а соответствие той или иной эпохи (формации) «человеческой природе». Безусловно, уровень развития производительных сил общества играет весьма важную роль в социальной философии Маркса, но эта роль все же оказывается подчиненной, ибо основная задача Маркса состояла в описании условий и механизмов человеческого освобождения от отчуждения и несвободы. Понять это можно только через уяснение Марксова учения о сущности человека, ибо именно оно лежит в основе его периодизаций исторического процесса.

В сочинениях Маркса мы можем встретить множество определений сущности человека, но все их можно свести к двум основным формулировкам: **1** в первой он говорит, что родовая сущность человека представляет собой *сознательную, целеполагающую и целереализующую деятельность*⁵; **2** во второй сказано, что

⁴ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 42. – С. 35–36.

⁵ «... производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой

«сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁶.

Деятельность (или *практика, праксис*) – это сугубо человеческий способ активности, представляющий собой целенаправленный сознательный процесс преобразования объекта субъектом с помощью орудий труда в целях удовлетворения своих потребностей. В практике человек не столько адаптируется, приспосабливается к природе, сколько, напротив, приспособливает природу к себе. Сам же процесс этой адаптирующей деятельности феноменологически проявляется в созидании предметного мира, культуры.

Возьмем любой предмет, например обычную линейку. С чисто формальной стороны – это просто дерево, чувственная вещь. Но сущностно предметность предмета не исчерпывается своей простой вещественностью, ибо всякий предмет до своего появления предполагает то, что его создатель, прежде чем произведет его, сначала должен создать *проект, мыслительный образ* этого предмета в своем сознании, а только затем посредством работы своих рук *овеществить* свою идею в природном материале. Таким образом, в предмете оказываются одновременно снятыми субъект (человеческое сознание и деятельность) и объект (природный материал). Предмет – это уже не просто «объективная реальность», а *чувственно-сверхчувственная реальность*.

В предмете отражаются условия социального бытия, так как всякий предмет, созданный людьми, несет в себе смыслы того универсума, в котором он был создан и в котором он использовался и вообще может быть использован. Линейка – этот предмет для повседневного измерения длин – может возникнуть только в культуре, в которой измерение пронизало действительно все стороны человеческой жизни. Так, в Средневековье количественные измерения (например, времени, длины, протяженности) не были повседневными практиками. Мы же живем в совершенно другом мире: если линейка есть нечто повседневное и привычное – ведь она лежит на письменном столе у каждого школьника, то, значит, мир, в

характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовый характер человека» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Из ранних произведений. – М., 1956. – С. 565).

⁶ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 3. Ср.: «Человеческая сущность и есть истинная общность людей» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 1. – С. 447).

котором люди так запросто пользуются линейками, в их сознании уже *размечен* и *измерен*, а то, что встречается вновь, подлежит измерению. В линейке, простом предмете, на который мало кто обращает и внимание-то, свернут размечающе-учитывающий дух нашей культуры, который в наиболее радикальной форме в свое время выразил Макс Планк: «То, чего нельзя измерить, – не существует». Мир, в котором мы живем, уже расчерчен по линейке (прямые улицы городов вместо обычных для сельского пейзажа тропинок; аккуратные домики, словно вычерченные по линейке; господство параллельных и перпендикулярных линий, прямых углов и окружностей), мир уже *раз-мерен* (расстояния; карта мира с параллелями и меридианами, со шкалами глубин и высот; скорости; расписания поездов, автобусов, занятий, времени приема пищи, приема лекарств, работы магазинов; даже интеллектуальные способности человека – и те оказались измеренными по шкале IQ), мир уже упорядочен как в действительности, так и в нашем представлении о нем.

Создание предмета, таким образом, оказывается практическим вкладыванием субъективных образов в объективную вещь, то есть *овеществлением, опредмечиванием (Verdinglichung)*. Но это только одна сторона бытия предметности. В отличие от спонтанного однократного использования орудий животными, человеческое орудование предметами предполагает их сознательное многократное использование не только самим создателем, но и другими людьми. Последнее означает, что другой, пользуясь предметом, созданным до него, в процессе своей собственной деятельности осваивает способы действий с предметом, то есть усваивает, интериоризирует логику предмета, вложенную в него другим человеком – создателем предмета. В этом случае происходит распремечивание идей, проектов, мыслей, деятельностей и т. д., опредмеченных, материализованных и застывших в предмете: субъективные переживания другого в практическом освоении предмета становятся моими собственными субъективными переживаниями. Предмет оказывается посредником между людьми, то есть в предметности оказывается фундированной *общность, социальность* человеческих индивидов.

Рождающийся сегодня человек ничем биологически не отличается от человека, родившегося 20 тыс. лет назад. Но они попадают в *разные* предметные универсумы. Ребенок, родившийся сегодня, будет обречен на то, чтобы жить в уже заранее, априорно разме-

ренном мире. Все его бытие – от рождения до самой смерти – будет протекать в расчерченных «по линейке» структурах предметного наличного бытия, в мире, который был создан другими людьми, но который *для него* будет выступать уже как естественная среда. Поэтому, бытийствуя в мире, он вынужден будет включаться, встраиваться в эти существующие структуры. В процессе своего наличного существования человек будет пользоваться тем, что создали другие люди до него, например, той же линейкой. В процессе обучения и ее дальнейшего использования этот человек будет постепенно *распредмечивать* те смыслы, которые вложили в нее ее создатели. Человек, используя предмет, делает «логику предмета», вложенную в него другими, своим собственным достоянием.

Таким образом, видно, что деятельность по своему внутреннему механизму представляет собой диалектическое развертывание процессов опредмечивания и распредмечивания.

То, что деятельность разворачивается в процессах опредмечивания и распредмечивания, означает, что *человек* – это уже не вещь, обладающая самосознанием и ограниченная пределами своего собственного тела, но он представляет собой действительную неразрывность субъективной и объективной сторон практики⁷. Человек есть не только в-себе-сущее, но он постоянно находится *вне себя* в прямом смысле этого слова: предметный мир оказывается действительным, практическим *продолжением* моего собственного тела и моего духа. Человек находится среди предметов своего собственного мира, среди домов, улиц, машин... И вне этого мира *конкретных* связей с предметами человека *нет*, и поэтому прав был молодой Маркс, когда говорил, что «человек – это *мир человека*»⁸. Тем самым природный мир *очеловечивается*: внешний, объективный универсум вещей постепенно становится *человеческим миром*, так как в своем трудовом акте человек реализует свои собственные сущностные способности, то есть выражает сам себя, свой творче-

⁷ «Для понимания Марксовской концепции деятельности очень важно вникнуть в его представления о взаимоотношениях субъекта и объекта. Они находятся в неразрывной связи. Каждая вещь может служить усилению собственных способностей субъекта... Внешний мир становится для человека реальным лишь тогда, когда он посредством своих сил вступает в отношения с предметным миром, а в действительности только “любовь” учит человека по-настоящему поверить, наконец, в реальность объективного мира. Субъект и объект – неделимы» (Фромм, Э. Марксова концепция человека. – § 4 / Э. Фромм // Душа человека. – М., 1992).

⁸ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 1. – С. 414.

ский замысел в свободной деятельности, формируя мир по своему образу и подобию. Человек отражается в предметах, и предметы отражаются в нем⁹.

В силу того что нечто от человека переходит в объективную реальность и человек *осознает* этот переход, то, значит, он каким-то образом *переживает* (*συντάθω*) свое отношение-к-предмету, а именно: в своем отношении-к-предмету человек переживает свое отношение к самому себе, ибо предмет оказывается внешним обнаружением экзистенции самого человека.

Сугубо человеческим способом реализации равнодушной связи с миром является *отношение-к-другому*¹⁰. *Относиться* – это значит быть экзистенциально захваченным чем-то, что, в свою очередь, предполагает осознание самого себя – того, кто, будучи захваченным, относится к чему-то другому вне себя самого. *Относиться-к-другому* – значит *быть человеком*. Только такое экзистенциально захваченное бытие и можно считать проявлением человечности как таковой, базирующейся на *практической* основе выхода из простого природного существа (животного) во внешне-родовой мир других. Субъективность конституируется только в этой практической трансценденции в предметность, которая оказывается моим *совместным миром с другими*, то есть оказывается миром *интерсубъективным*¹¹.

⁹ «Практическое созидание *предметного мира*, *переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, то есть такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности или к самому себе как родовому существу... Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты. Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* (человека) произведением и его действительностью. Поэтому предмет труда есть *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает само себя в созданном им мире» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Из ранних произведений. – С. 566).

¹⁰ «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня, животное не *“относится”* ни к чему и вообще не *“относится”*»; для животного его отношение к другим не существует как отношение» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 29).

¹¹ «Люди, по Марксу, живут преимущественно *практической жизнью* и, тем самым, являются *практическими существами*. В самом общем смысле человеческий праксис – это контакт с внешней природой, где человек активно действует, *“накладывает на нее печать своей активности”*; и одновременно социальный праксис есть сфера человеческих контактов и отношений, институтов и традиций. В творчестве Маркса для обозначения этой сферы

Практически создавая intersубъективный мир предметностей (культуру), человек тем самым конституирует самого себя как человека, а потому и становится не безразличным к этому, казалось бы, «внешнему» предметному бытию. В действительности же, с точки зрения Маркса, этот предметный мир вещей, общественных отношений, сформировавшихся в процессе предшествующей деятельности различных структур, не является внешним, равнодушным по отношению к человеку, ибо этот мир оказывается *воплощением самого человека*, воплощением его замыслов, идей, его страстей и потребностей, его *внутреннего мира*. Внешний мир – это и есть, собственно говоря, *сущность человека*, взятая в аспекте ее положенной практической реализации, это практика различных «Я», ставшая объективированным миром intersубъективности, совместным, социальным миром *людей*: «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения... есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде “субстанции” и в виде “сущности человека”»¹².

В своей сущностной связи с миром человек перестает по отношению к миру быть *равнодушным*. В своей практической деятельности, в своем чувственно-практическом отношении к миру он оказывается существом *страдающим* (*συμπαθικός*). В равнодушно-сти связи человека и мира фундируется *сопереживание, страдание*¹³ (*συμπαθεία*).

часто употребляется понятие “общение” (*Verkehr*) – как относительно межличностных контактов, так и применительно к связям индивидов с объективированными сущностями, социальными порядками и “нравами”, закрепленными в общественных институтах» (Баллаев, А. Б. Читая Маркса. – С. 19–20).

¹² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 37.

¹³ «Человек является непосредственно природным существом. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен природными силами, жизненными силами, являясь деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений; а с другой стороны – в качестве природного, телесного, чувственного, предметного существа он, подобно животным и растениям, является страдающим, обусловленным и ограниченным существом, то есть предметы его влечений существуют вне его, как не зависящие от него предметы; но эти предметы суть предметы его потребностей... Быть чувственным, то есть быть действительным, – это значит быть предметом чувства, быть чувственным предметом, то есть иметь вне себя чувственные предметы, предметы своей чувственности. Быть чувственным – значит быть страдающим. Поэтому человек как предметное, чувственное существо есть страдающее существо; а так как это существо ощущает свое страдание, то оно есть существо, обладающее страстью. Страсть – это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Из ранних произведений. – С. 631–632).

Слово «страдание» в его негативном аспекте может увести нас в сторону от действительного хода мысли Маркса, поэтому надо пояснить, что под «страданием» он понимает экзистенциальную равнодушность, эмоциональное безразличие к своей связанности с предметным универсумом. В идеальном виде, когда человек в своей свободной (творческой) деятельности воплощает свою экзистенцию в предметности, такое страдательное сопереживание называется *радостью*, в которой человек *наслаждается* своей творческой самореализацией, в мире, который является материальным отражением и воплощением человеческого духа.

В этом моменте мы подходим к самому, на наш взгляд, главному в антропологическом учении Маркса. Если сущность человека есть *деятельность*, то есть целеполагающая активность, то она как *целеполагание* с необходимостью предполагает *свободу*, без которой она не может существовать. Свобода есть творчество, творческая самореализация человеком своего собственного духовного содержания¹⁴. Такого рода *свободную, творческую*, то есть *подлинную* человеческую деятельность Маркс называет термином *Selbstbetätigkeit, самодеятельность*. «Независимость и свобода, по Марксу, основывается на акте *самореализации (Selbsterschaffung)*»¹⁵. Сущность самой этой подлинной деятельности состоит в потребности человека *выражать*¹⁶ свои способности, замыслы, чувства – одним словом, все то, что Маркс называет «сущностными силами человека», – в окружающем мире, а не использовать этот мир и свою деятельность только в качестве простых средств для удовлетворения своих брюхо набивательских потребностей и нужд. Только в такой свободной самодеятельности человек непосредственно, неразрывным образом связан с объективным миром связью, в которой человек и мир составляют *тотальность*. Для Маркса это не простая «функциональная» связь между субъектом и объектом, это, прежде всего, *интимная, человеческая, душевная* связь, ибо мир – это не безликая объективная реальность сциентистской философии Ф. Энгельса и тем более не «гигантская, всезаполняющая свалка студенистой слизи» Ж.-П. Сартра, а Другой, с

¹⁴ «Марксистское понятие деятельности близко к трактовке деятельности Спинозой, который воспринимал ее как творческое и спонтанное действие, возможное лишь при наличии свободы» (Фромм, Э. Психоанализ и этика. – М., 1993. – С. 350).

¹⁵ Фромм, Э. Душа человека. Ср.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 42. – С. 125.

¹⁶ В этом смысле Маркс предвосхитил идею экзистенциалистов о том, что человек есть существо экстатическое.

которым человек ведет диалог и в котором, посредством практики, человек внутренне отражается, полагая тем самым свою собственную *человечность*. Человек как человек может быть только через свою связь с миром, поэтому мир для Маркса – это *выражение человеческой действительности*, в которой он осуществляет свою собственную человечность (творчество), действительность, в которой человек сам только и становится человеческим, «или, по словам Маркса, в практике я могу связать себя с вещью человеческим образом в том случае, когда вещь связана с человеком человеческим образом»¹⁷. Поэтому, чтобы чувствовать себя *человеком*, человеческое существо по своей природе всегда имеет имманентную потребность быть связанным с миром (с другими людьми, животными, растениями, природой, с вещами, с самим собой) в *свободной творческой деятельности*, которая доставляет человеку удовольствие, а не просто удовлетворение.

В силу того, что в труде человек выражает себя, свои собственные творческие способности, труд представляет собой не только прагматическую реализацию конкретного целеполагания, но и *самоцель*, которая состоит в реализации творческого потенциала (замысла, идеи, идеала), реализации, которая сопровождается глубоко человеческой радостью и удовольствием от самого процесса осуществления творческой деятельности, от процесса реализации своей собственной свободы, самого себя. Это – радость крестьянина, вырастившего хороший урожай, радость кузнеца, удачно отковавшего прутки, радость школьника, который самостоятельно решил трудную задачу, которая ранее представлялась ему абсолютно нерешаемой. Для Маркса *идеал* состоял как раз-то в том, чтобы создать такие условия, в которых бы *всякая* деятельность сопровождалась такой радостью. Именно в *такого рода* деятельности и состоит *подлинное человеческое существование*.

Итак, человек бытийствует в мире посредством преобразующей деятельности, в процессе развертывания которой он воплощает, овеществляет, опредмечивает свои собственные духовные способности в природном материале, то есть создает предметный мир. В силу этого момента опредмечивания человеческое существо оказывается экзистенциально связанным с этим миром в сущностной тотальности. Единство человека и мира, верно названное экзистенциалистами *бытием-в-мире*, переживается человеком как неравно-

¹⁷ Фромм, Э. Психоанализ и этика. – С. 348.

душная небезразличность, эмоциональная захваченность бытием, которую мы, вслед за Марксом, называем *страданием*. Если человеческая деятельность реализуется как деятельность внутренне и внешне *свободная* – а такова она по своей имманентной сущности, то связь человека с миром переживается как *наслаждение, удовольствие*.

Условием возможности такой деятельности является *свободное время*, в период которого мы можем посвятить себя своим любимым занятиям. Если провести анализ существа подобной деятельности, то окажется, что ее цель состоит не в достижении каких-то внешних результатов, а в совершении самой этой деятельности, потому что ее совершение приносит удовольствие. Свободная деятельность, приносящая наслаждение, имеет цель сама в себе, – она – *самодетельность (Selbstbetätigkeit)*. Здесь важно подчеркнуть, что *радость, удовольствие*, о котором говорит Маркс, для подлинно человеческой деятельности оказывается *имманентным*, а не внешне положенным, трансцендентным свойством, детерминированным, скажем, высоким уровнем заработной платы или похвалой начальника. В последнем случае «радость от работы» – это *извращенная, искаленная, неподлинная* радость, ибо деятельность в таком случае оказывается средством для чего-то другого, чего-то внешнего. Только сам процесс совершения деятельности может доставлять подлинное удовольствие и удовлетворение.

Но такова только сущность человека, взятая в своей всеобщности, абстрактности. В реальной действительности оказывается так, что деятельность людей развертывается в конкретных условиях. Эти условия детерминируют возникновение конкретных социально-экономических структур, которые *объективно* не позволяют «человеческой природе вообще» реализоваться в действительности. Производственные силы общества, созидаемые в совместной практике, ограничены, – и в этом нет никакой «злой» воли, ибо развитие общества, согласно Марксу, хотя и напрямую зависит от их *сознательной* деятельности, тем не менее в своей целостности протекает вне их сознания как объективный, закономерный, естественноисторический процесс. В силу же того, что производительные силы общества развиты относительно, это детерминирует то, что в социальной структуре возникает система классового разделения: немногочисленный класс владеет средствами производства и,

тем самым, освобождается от необходимости производить; другой – многочисленный – класс человеческого общества, не имея средств к существованию, *вынужден* трудиться.

Но при этом труд, человеческая деятельность, согласно Марксу, оказываются несвободными, то есть оказываются не целью, а средством к простому физическому выживанию. Человек трудится, реализует свою собственную человеческую природу не для самореализации, не для удовольствия и не для осуществления своей потребности в сущностной связи с миром, а только для того, чтобы... *выжить, не умереть с голода*. «Только в силу этого [того, что человек есть родовое существо] его деятельность есть свободная деятельность. Отчужденный труд преворачивает это отношение таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою *сущность* только лишь в средство для поддержания своего *существования*»¹⁸.

Человеческая природа – свободная деятельность, приносящая радость и являющаяся своей собственной целью, – *отчуждается* в своем конкретном существовании от человека и предстает как условие его подневольного, скотского труда в лице раба, крепостного крестьянина и промышленного рабочего. Именно в капиталистическом обществе, по Марксу, отчуждение достигает своего тотального апогея: человек отчуждается от всего, включая и отчуждение от своей собственной сущности – от деятельности, ибо эту деятельность он продает, протитутуирует капиталисту в виде рабочей силы. То есть основой тотального отчуждения, страдания и бесчеловечного бытия трудящихся оказывается частная собственность на средства производства. Единство человека и мира разрывается: предметы, созданные одними, принадлежат другим. Такое отчуждение и такой несвободный труд экзистенциально переживаются человеком как опустошение и боль. «Поэтому труд предъявляет капитализму претензии не столько за несправедливое распределение богатств, сколько за то, что он превратил труд в принудительную, отчужденную, бессмысленную работу, а тем самым и человека – в ущербного калеку, монстра. Марксово понятие труда

¹⁸ Маркс, К., Энгельс, Ф. Из ранних произведений. – С. 566.

как реализации человеческой индивидуальности выражено в его идее полной отмены векового подневольного труда»¹⁹.

Поэтому, когда Маркс говорит об «уничтожении работы» (*Aufhebung der Arbeit*)²⁰, то он всегда ведет речь об уничтожении *отчужденной* формы человеческой деятельности, а вовсе не о преодолении подлинной деятельности (*Selbstbetätigung*). Напротив, процесс *Aufhebung der Arbeit* только и приводит к восстановлению *Selbstbetätigung*, к возвращению к подлинности человеческого присутствия.

Отчуждение делает повседневную жизнь рабочих (наиболее важной части населения) *невыносимой, бесчеловечной, скотской*. Поэтому для Маркса главной целью была задача освобождения общества от этого обезчеловечивающего отчуждения, которое проявляется не в каких-то метафизических формах, как это имеет место у экзистенциалистов, а в виде действительного повседневного голода, страдания, взаимного равнодушия и ненависти. Преодолеть эти скотские отношения – значит вернуть деятельности ее свободу, вернуть человеческую сущность связке «человек – мир». А это, по Марксу, можно сделать только посредством устранения тех социальных условий, которые породили бесчеловечность, то есть посредством устранения *частной собственности*, дающей основу для развертывания отчуждения как в форме *от-своения* (которое Маркс большей частью именуется термином *Entäußerung*), так и в форме *равнодушной разобщенности* (в терминологии Маркса – *Entfremdung*). Для Маркса такое возвращение к человеческой сущности означает осуществление *присвоения* объекта (преодоление *Entäußerung*) и *эмансипации* духа (преодоление *Entfremdung*).

Но именно в капиталистическом обществе за счет радикализации отчуждения средства производства развиваются до такой степени, что появляется необходимость их обобществления, то есть необходимость ликвидации частной собственности, а значит и ликвидации отчуждения вообще. Вместе с ростом производительных

¹⁹ Фромм, Э. Марксова концепция человека. – § 4.

²⁰ «Труд для Маркса – это деятельность, а не товар. Сначала он называл работу словом “деятельность” (*Tätigkeit*), а не словом “труд” (*Arbeit*), и говорил об отмене (*Aufhebung der Arbeit*) труда как цели социализма. Позднее, когда он стал проводить грань между *свободным и отчужденным трудом*, он стал употреблять понятие “освобождение труда” (*Befreiung der Arbeit*)» (Фромм, Э. Марксова концепция человека. – § 4).

сил трудящиеся массы освобождаются от вынужденной работы и обретают *свободу* (налично выраженную в росте свободного времени, материальной обеспеченности, ненужности ежедневно думать о выживании и т. д.), то есть получают *возможность* развивать себя как *человеческие личности*. «Человеческая сущность вообще» возвращается к человеку. И если ранее деятельность трудящегося была оторвана от наслаждения, то теперь они составляют одно и то же. Вернее, «работа», понятая как отчужденная деятельность, вообще *отменяется*.

Таким образом, в историческом процессе сущность человека оказывается разъединенной с его существованием, и только в результате достижения радикальной формы этой разъединенности они – человеческая сущность и существование – приходят в единство. С точки зрения Маркса, в противоположность всем нынешним певцам «конца истории», в этом пункте только и начинается собственно *человеческая история*, которая носит название *коммунизма*.

Маркс говорит: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться только лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условии, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, мо-

жет расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие»²¹.

Быть может, был прав Жан-Поль Сартр, когда говорил: «Но приведенное положение Маркса останется, на мой взгляд, непреодолимой очевидностью, до тех пор, пока преобразование общественных отношений и технический прогресс не освободят человека от гнета нужды (*rarete*)... Когда по ту сторону производства жизни будет для всех существовать сфера подлинной свободы, марксизм изживет себя; его место займет философия свободы. Но у нас нет никаких средств, никаких интеллектуальных инструментов, никакого конкретного опыта, благодаря которым мы могли бы представить себе эту свободу и эту философию»²². Философия Маркса – это философия освобождения, а не философия свободы. А коль скоро всякая философия является духовной квинтэссенцией эпохи, то вслед за исчезновением этой эпохи, – а для марксизма это переходная эпоха освобождения от отчуждения и страдания, от неподлинности человеческого присутствия в мире, – исчезает и само ее духовное выражение. Наступает время конституирования другой эпохи и соответственно другой философии.

Таким образом, мы видим, что те стадии исторического процесса, которые выделяет К. Маркс в своей философии истории, описывают постепенные этапы человеческого освобождения, то есть ступени приближения к действительной реализации подлинной формы человеческого присутствия в мире – свободной самореализации себя в мире, приносящей наслаждение и радость. И понять Марксову теорию в целом можно только лишь из этой *социально-философской* перспективы.

²¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч.: в 9 т. – Т. 9. – Ч. II. – С. 349.

²² Сартр, Ж.-П. Марксизм и экзистенциализм / Ж.-П. Сартр // Проблемы метода. – М., 1993. – С. 40–41.